

бытиями в Чехии; переходя к литературным отношениям, он говорит только о чешских текстах, усвоенных в Белоруссии в XV—XVI вв., и об украинских списках «Луцидариуса», восходящих к чешскому оригиналу.⁴ Х. Прохазкова упоминает лишь о косвенных литературных отражениях взаимного знакомства обоих народов (упоминание Гуса в Ипатьевской летописи, чешские связи Пересветова и т. д.).⁵

Еще хуже обстоит дело с изучением русско-польских литературных отношений XV—XVI вв. Исследуя переводную литературу, бытовавшую на Руси в XIV—XVII вв., А. И. Соболевский пришел к заключению, что «говорить о преимущественном влиянии польской литературы на литературу Московской Руси мы не имеем никакого права» и что «произведений писателей поляков у нас было сравнительно немного».⁶ Очень коротко и поверхностно коснулся этого вопроса А. Брюкнер в своем очерке «О русской литературе и наших отношениях с нею ныне и триста лет тому назад». Пренебрежительно заметив, что литература древней Руси состояла из «убогих переводов отцов церкви и других греческих религиозных сочинений, хроник и нескольких повестей, например об Александре Македонском», он пишет: «Если что-нибудь здесь изменилось, то этим Московская Русь обязана Руси Киевской, которая сама научилась у Польши писать и мыслить». Конкретно, однако, в очерке А. Брюкнера речь шла о переводах с польского, сделанных в основном в XVII в. Другой польский автор Я. Янув в своем обзоре литературы вопроса указывал, что проблема польских влияний на Русь рассматривалась случайно, в связи со специальными работами и что исчерпывающего и полного исследования по этому вопросу до сих пор нет.⁷

Недостаточная разработка вопроса о литературных связях между западными славянами и Россией в XV—XVI вв. несомненно в значительной степени объясняется отсутствием фактического материала. Но для изучения отношений между литературами Чехии, Польши и России не обязательно рассматривать случаи прямого перехода литературных памятников из одной славянской страны в другую. Не менее важно для понимания культурной истории этих стран сопоставление общих путей развития чешской, русской и польской литератур, установление сходства и различия в репертуаре литературных памятников, имевших хождение у западных и восточных славян. При такой постановке вопрос о литературных отношениях между западными славянами и Россией становится частью общей проблемы взаимоотношений между русской и мировой литературой XV—XVI вв. Для западнославянских литератур этот период был временем глубоких изменений: в Чехии и Польше начала развиваться светская литература на национальных языках, отражавшая веяния предреформационных и реформационных движений, Возрождения и гуманизма.

⁴ А. В. Флоровский. Чехи и восточные славяне, т. II, стр. 28—45. Далее А. В. Флоровский разбирает «Повесть о Брунцвике», известную в Северо-Восточной Руси, но не ранее XVII в. (стр. 45—51).

⁵ H. Procházková. Po stopách dávného přátelství, стр. 28 и 37—48.

⁶ А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XVI—XVII вв. СПб., 1903, стр. 50.

⁷ A. Brückner. O literaturze rosyjskiej i naszym do niej stosunku dziś i lat temu trzysta. Lwów—Warszawa, 1906, стр. 35—53; J. Janów. Wpływy polskie na literaturę Rusi do XVIII w. (Przegląd badań dotychczasowych). II Międzynarodowy zjazd slawistów (filologów słowiańskich). Warszawa, 1934, стр. 69—73. Предметом исследований самого Я. Янува были западнорусские «Страсти Христовы» (см. прим. 26), «Варлаам и Иоасаф» и ряд западнорусских памятников XVII в., связанных с влиянием польской литературы (ср.: T. Ulewicz. Dorobek naukowy Jana Janowa w zakresie dziejów dawnego piśmiennictwa i kultury. Pamiętnik Słowiański, t. IV, rocznik 1954. Wrocław—Poznań, 1955, стр. 52—60, стр. 60—70 — Zestawienie bibliograficzne).